

АЛЕКСАНДР ЗИМОВЕЦ

ДОБРОВОЛЬСКИЙ

ТЕХНИЧЕСКИЙ КАНДИДАТ

Александр Зимовец

Добровольский Ш.

Технический кандидат

«Литнет»

2024

Зимовец А.

Добровольский III. Технический кандидат / А. Зимовец —
«Литнет», 2024

Не успел я вернуться из такого заслуженного отпуска, как на меня свалилось новое дело. И нет, на этот раз не нужно делить наследство полоумного миллиардера или выигрывать судебный процесс против демона. Все еще хуже. Теперь Ярославу Добровольскому, скандально известному юристу, в присутствии которого люди говорят правду, предстоит участвовать в выборах в Земский собор, местный парламент. Разумеется, никому не нужно, чтобы я их выигрывал, да это и невозможно. Я просто буду техническим кандидатом, задача которого – постоять в сторонке. Зашел и вышел, приключение на тридцать минут. Вот только я-то уже делал невозможное, так что мне не привыкать...

© Зимовец А., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Пролог почти на небесах	5
Глава первая. Блудный отец	6
Глава вторая. Пойди туда - не знаю, куда	11
Глава третья. Помощники	16
Глава четвертая. Прошлое возвращается (1/3)	21
Глава пятая. Хижина в лесу	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Пролог почти на небесах

Самолет мягко коснулся колесами полосы, чуть подпрыгнул на ней и уже окончательно зацепился шасси за землю.

Я вытянул руки вверх и хорошенько потянул затекшие за время долгого полета мышцы.

Возвращаться было приятно, несмотря на то, что и отпуск прошел отлично. Я возвращался в Свято-Дмитров загорелый, с кучей новых впечатлений и полный боевого задора. Чтобы ни ждало меня в этом странном городе, я, кажется, к этому готов.

– Ну, слава богу, – проговорил сидевший на спинке переднего кресла и невидимый для остальных пассажиров Теофраст. – Если честно, я терпеть не могу летать. Летать – это для божественных вестников, а нам, грешным, лучше бы поближе к земле.

– Да чего тебе бояться-то? – спросил я. – Даже если самолет разобьется, с тобой ведь ничего не случится.

– Ну и что? – Теофраст наморщил муравьедий хобот. – Имею я право на то, чтобы у меня была иррациональная фобия? В конце концов, я и сам по своей природе иррациональное существо, тварь хаоса. Я не обязан никому давать отчетов.

Я в ответ только пожал плечами. Если честно, мой отпуск, и без того отличный, был бы совершенно идеален, если бы я мог провести его без этого бесплотного ворчуна.

Я достал из кармана телефон и включил его, а он точно только и дожидался этого момента, тут же разразился звонком.

– Здравствуй, Кирилл, – проговорил я в трубку. – Дай, угадаю: в компании опять случился какой-то кризис, который невозможно разругать без меня?

– В принципе, почти так, – голос Кирилла звучал озадаченно. – Ну, то есть, кризиса пока никакого нет, но без тебя явно не обойдемся.

Это «пока» прозвучало не слишком обнадеживающе.

– Да что у вас там такое? Ты говори уже.

– Тебя тут искал один человек. Говорит, что звонил тебе пару раз за три часа и не смог дозвониться. Ну, я ему объяснил, что ты в самолете, и что как только будешь в Свято-Дмитрове, сразу с ним свяжешься. Наверное. Впрочем, это, конечно, дело твое. Не хочешь – не связывайся.

– Да что ж это за человек такой, что он меня потерял и найти не может?

– Это твой отец.

Глава первая. Блудный отец

– Ну, здравствуй, – проговорил Петр Добровольский. Он расселся в моем кабинете прямо в кресле за столом и курил сигару. На диване при этом примостился Сева, положивший ногу на ногу и даже не поздоровавшийся со мной. – Неплохой, кстати, кабинет. Тесновато только и довольно дешево.

– Стараюсь жить по средствам, – ответил я и уселся в кресло для гостей.

– Да ладно, хватит прибедняться, – ответил отец. – Я слышан, что дела у тебя пошли в гору. Особенно эта история с Суровым... тут ты меня удивил!

– На этом деле я не заработал ни копейки, – ответил я скромно. – Только время потратил.

– Зато я на этом деле знаешь, сколько заработал?! – он рассмеялся раскатистым басом.

– Медийная империя Сурова лежит в руинах! Куча наследников никак не могут поделить активы, менеджмент распустился, так как за ними никакого пригляда. Все тащат, как с пожара, редакционной политики нет. И все кругом меня поздравляют. Все уверены, что это я так ловко тебя туда засунул, что ты там все разрушил!

– А ты, конечно, не опровергаешь?

– Естественно. Пусть знают Добровольских! Впрочем, с девочкой ты этой перегнул, конечно. Можно было и не убивать. Я не чистоплюй какой-нибудь, но это уже... чересчур слегка.

– Технически я никого не убивал.

– Ну, ладно, ладно. Пусть уж будет, как есть, раз такое дело. В любом случае, спасибо тебе за такой подарок. Отлично поработал на благо рода Добровольских. От души!

– Откровенно говоря, благо рода Добровольских – это последнее, о чем я думал в этом деле.

Отец внимательно и неприязненно на меня посмотрел. Я заметил, как его кулаки сжались: благо рода, это не то, над чем можно было шутить в его присутствии. Впрочем, от нравов учения он удержался. Очевидно, ему что-то было от меня настолько нужно, что он даже решил проявить вежливость, насколько он вообще был на это способен.

Разговор на несколько секунд прервался. Наконец, я спросил:

– Но ты ведь искал меня не для того, чтобы поблагодарить, верно?

– Разумеется.

– Тогда я внимательно слушаю.

– В общем, перейдем к сути вопроса, – Петр Добровольский загасил сигару в пепельнице.

– У нас есть одно дело. Оно как раз по тебе. За счет этого ты можешь полноценно вернуться в семью.

– А разве я когда-то умолял о возвращении? Что-то я такого не припомню.

– Ладно, хватит этого, – отец поморщился и махнул рукой. – Один раз можешь не ломаться и послушать, что тебе хотят сказать?

– Да я весь – внимание.

– Ну, то-то. В общем, слушай: через несколько месяцев довыборы в Земский собор. Там как раз несколько мест освободилось. Кого-то посадили, кого-то убили, кто-то сам помер. Ну, понимаешь. Всякое бывает с депутатами.

– Желаю им всем больших успехов. А я-то тут причем?

– Да ты слушай! Помимо всего прочего недавно помер депутат Шмигунов, мой старый приятель. Перебрал на вечеринке, заказал сразу четырех девок, и четвертая была явно лишней. Если б трех, то, может быть, все бы и обошлось.

– Мои соболезнования, – я пожал плечами. – А с другой стороны, чего его жалеть? Он умер счастливым. Я бы, может, тоже так хотел.

– Ну, это все философия. Важно другое: на его место должен избраться новый депутат от восточно-свято-дмитровского избирательного округа. То есть, от того самого, где мы сейчас находимся. Смекаешь?

– Ты хочешь, чтобы я на это место избрался?

Отец замахал руками в ужасе, а Сева со своего дивана впервые подал голос – рассмеялся.

– Да господь с тобой! – выкрикнул отец. – Нахрена ты мне там сдался? Да и денег это будет стоить таких, что я никогда не потяну. И не разрешат мне. Подумают, что я слишком усиливаюсь. В общем, нет, об этом даже думать нечего.

– Тогда я ничего не понимаю.

– Да все просто. На выборы сейчас идет сынок Шмигунова. Придурок, конечно, тот еще. Хуже тебя. Но его кандидатуру согласовали в Синклите. Так всем удобнее: у кого с его отцом какие-то договоренности, кто через него законопроекты продавливал, тем, конечно, всем выгодно, чтобы сынок на это место сел.

– Ну, хорошо, а я-то здесь причем?

– Да видишь ли, какое дело. У меня со Шмигуновым-старшим были кое-какие делишки. Там проверку организовать, здесь запрос депутатский отправить, тут поправочку к закону предложить. И вот недавно я разговаривал с этим его сынком, и... в общем, не понравилось мне, как он со мной говорил. Точно он какой-то фон-барон, а я пришел к нему чуть ли не мило-стыню просить. «Посмотрим»... «Я приложу все усилия»... «Напишите моему помощнику»... В общем, надо ему дать понять, что с Петром Добровольским так разговаривать нельзя, Петра Добровольского надо слушаться.

– То есть, прокатить его на выборах?

– Еще раз для самых умных, – вздохнул отец. – Прокатить его на выборах невозможно. Если чью-то кандидатуру одобрил Синклит, значит, этот человек и выиграет. Но я хочу, чтобы он почувствовал, что не все в этой жизни бывает просто так. Подергался. И вот тут на сцену выходишь ты.

– Я все еще не понял, в какой роли.

– Роль очень простая. Тебе даже и играть не придется. Ты выступишь на выборах, зарегистрируешься и пройти всякие формальности мы тебе поможем... в пределах разумного, конечно. А дальше ты сделаешь так, чтобы Шмигунову-младшему жизнь медом не казалась. Будешь делать все то, что ты любишь: устраивать шоу, скандалы, выводить всех на чистую воду, публиковать компромат, лезть на Изнанку... в общем, сделаешь всё для того, чтобы через пару недель Шмигунов сам прибежал ко мне и взмолился, чтобы я тебя остановил. И я тебя остановлю. Ты снимешься с выборов. Получишь от меня в подарок нормальный дом вместо этой халупы, отличное здание под офис твоей фирмы, ну и... еще там договоримся. А Шмигунов останется у меня в долгу и будет понимать, кто здесь батя.

– А если я не снимусь с выборов?

Петр Добровольский пристально на меня посмотрел.

– Ты. Снимешься. С выборов, – проговорил он с расстановкой. – В противном случае ты их все равно проиграешь, но Шмигунов не только не проникнется ко мне уважением, но еще и увидит, что я не контролирую даже собственного сына. Нахрена мне это надо?

– Резонный вопрос, – я пожал плечами. – Просто я не играю в игры, где я заведомо проиграю. Так неинтересно. Да и для репутации моей выйдет не очень хорошо. Как так: пошел на выборы и снялся?

– Нда... – Петр Добровольский закурил новую сигару. – Чего-то такого я от тебя и ждал...

– А если ты этого ждал, так отчего бы не обратиться к кому-то посговорчивее? Вон, Сева прекрасно подошел бы на эту роль. И уж конечно, снялся бы по первому твоему слову.

Старший брат взглянул на меня так, словно хотел прожечь взглядом дыру, а отец махнул рукой.

– Я же говорил, – сказал он, поморщившись. – Тут нужно шоу устроит. Бдыщ-бдыщ, фейерверки, прожектора! А еще нужно выводить людей из себя и действовать на нервы. Это именно то, что ты отлично умеешь. Это задание не для менеджера, а для шута горохового, поэтому я и поручаю его тебе, а не ему.

– Спасибо за такую лестную оценку моих способностей, – ответил я, встал и поклонился в пояс. – Но раз уж это шоу, то шоу должно идти до конца. Так ты напугаешь господина Шмигунова еще сильнее. А снимусь я только в самом конце, если увижу, что победить у меня нет никакой возможности.

– Ты обещаешь? – спросил отец, взглянув на меня внимательно. – Если увидишь, что шансов ноль, то снимешься?

– Честное слово.

– Ну, ладно, – ответил он. – Тогда я спокоен. Шансов у тебя не будет никаких.

По его лицу было видно, что он не очень-то спокоен, но, кажется, разговор завершился лучше, чем он ожидал.

– Тогда мне сейчас нужно обкашлять пару вопросов, – сказал он, поднимаясь из моего кресла. – Как минимум, надо решить, от какой партии мы будем тебя двигать. Это ж еще нужно будет постараться, чтобы кто-то из них согласился. Все-таки, у тебя теперь репутация...

– Я думаю, что мы обойдемся без партий, – сказал я.

– В смысле? – переспросил отец. – Не говори глупостей. С партией попасть в список гораздо проще. У меня есть там кое-какие знакомые. Им все равно, кого ставить на непроходной участок, так что тебя мы впихнем.

– Ну, это ж придется в партию вступать, – сказал я. – А вдруг у меня с ней идеологические разногласия?

Отец посмотрел на меня так, словно не мог понять, шучу я или нет.

– Какие еще разногласия? Можно подумать, у кого-то из них есть идеология. Или у нас с тобой она есть. Партии нужны не для того, чтобы идеологию отстаивать, а для того, чтобы помогать нужным людям попасть в Земский Собор. Тоже еще выдумал – идеологию какую-то.

– Ну, все-таки, – ответил я. – Есть же там... программы у них какие-то.

– Да ты почитай эти их программы! Известно, что они там пишут! «Мы за все хорошее и против всего плохого»!

Надо сказать, батюшка мой был совершенно прав. Про идеологию я заговорил больше ради шутки. На самом-то деле, прожив в этом мире больше года, я неплохо представлял здешнюю партийную систему.

Партий в Российской империи было немало.

Во-первых, была главная партия под названием ПНД – Партия Народного Духа. Ее активным членом, кстати, был покойный Суров, хоть в парламенте он и не заседал.

Как и он, депутаты от ПНД обычно толкали речи на тему того, что духовность кругом падает, молодежь совсем оскотинилась, слушает какую-то бесовскую музыку, играет в жестокие видеоигры и вообще того и гляди начнет ходить на четырех ногах. А самое ужасное: один секс у них на уме!

Речи эти находили хороший отклик среди избирателей, особенно тех из них, кто любит сидеть на лавочке возле подъезда. А это был основной электорат, потому что на выборы по большей части он и ходил.

Действительно, с этой лавочки было видно, что депутаты от ПНД во всем правы. Молодежь – распустилась. Кругом разврат. Демонам поклоняются чуть ли не в открытую, и того и глядя разрешат колдовство! Правильно говорят!

О том, чем именно занимались депутаты от ПНД за закрытыми дверями со своими помощниками (а то и с помощниками, в зависимости от степени духовности), а также о том, что абсолютно все они сами являются хозяевами демонов, избиратели их не то чтобы не знали... но скорее предпочитали не задумываться.

Основным ее соперником за сердца и думы граждан считалась ЗППП – Земская Партия Права и Порядка. Эти больше акцентировали внимание избирателей на том, что кругом ворье, коррупция и демонопоклонничество. Даже в высших эшелонах власти.

При этом удивительным образом они никогда не называли никого конкретного. Кто живет не по средствам? Кто берет взятки? Неясно.

Их спикеры всегда ограничивались туманными намеками, подмигиванием, делали таинственное выражение лица. «Вы же понимаете, что все они там...» Избиратель слушал, кивал, цокал языком.

Ну, правду же говорит высокопоставленный оратор? Все они там погрязли... О том, что сам оратор погряз в том же самом, говорить было, опять же, не принято.

Была еще ПТСР – Партия технократии и справедливого развития – больше делала упор на то, что нужно развивать новые технологии. Она позиционировала себя, как партия молодежи, и поэтому плелась обычно в хвосте рейтингов. Молодежь в империи на выборы не ходила. В том числе, и потому, что ПТСР состояла из таких же жуликоватых старперов, как и остальные партии, и симпатий к себе не возбуждала.

Было и еще несколько партий: ПДД, ОПЛЯ, ОПРСТ, ГКЧП. Все они также чем-то, вроде бы, отличались друг от друга, но все эти отличия были чисто косметическими, и даже не очень бросались в глаза. При случае адепт ПТСР запросто мог поругать поганую молодежь, а депутат от ПНД – порассуждать о социальной справедливости.

Места в парламенте между ними распределялись обычно в рамках сложной системы договоренностей между партиями, Синклитом и императорской семьей. Мнение избирателей всех их при этом интересовало примерно в той же степени, в какой директора мясокомбината интересуется мнение свиней о компетентности начальника забойного цеха.

Некоторым личностям удавалось пролезть в Земский собор и в обход всей этой камарильи – за большие деньги или подключив своих демонов. Таких называли самовывдвиженцами.

Одним словом, отец предлагал мне связать судьбу с кем-то из этих прекрасных людей.

– Ладно, – сказал я. – Вы там узнайте сперва, захочет ли кто-нибудь из них видеть меня в своих рядах. А то, может быть, я уже до такой степени испортил свою репутацию, что меня и не возьмут никуда.

Отец взглянул на меня недоверчиво, но затем кивнул.

– Ладно, это мы еще с тобой обсудим. А ты пока начинай думать, как будешь кампанию вести. Хотя ты и технический кандидат, но крутиться все равно придется. Не думай, что просто на стульчике посидишь, и за это я тебя обратно приму.

– Слава богу, у меня есть почти готовая команда, – ответил я.

Отец в ответ на это заявление поморщился.

– Команда твоя... все эти простолодины с дипломами... Я бы сказал, что она никуда не годится, если бы мы затевали что-то серьезное. К примеру, если бы реально захотели пропихнуть тебя в Земский Собор. Но поскольку это все дуракаваляние... пусть будут. Только держи их в узде, не позволяй очень зарываться. Ты – Добровольский. Они должны понимать, кто они такие по сравнению с тобой.

– Спасибо за совет, – ответил я. – Впрочем, у меня свои методы, как внушить подчиненным уважение.

– Это какие же?

– Нужно сделать так, чтобы им было за что тебя уважать. Только и всего. Чтобы они видели, что не могут делать таких крутых вещей, как ты, а раз так, то ты главный по праву. Имеешь право отдавать приказы.

– Ну, это все философия, – отец махнул рукой. – Но главное ты помни – я на тебя рассчитываю. Не вздумай еще раз выкинуть что-то такое, что меня разочарует. Уж на этот раз задача – проще некуда. Особенно для человека, который выиграл шоу Сурова. Кстати, ты уж скажи, что там в комнате-то на самом деле было?

– Суров там был, – ответил я.

– Шутишь?

– Неа. Предлагал жениться на его дочке, вступить в его род и проучить тебя хорошенько. Но я отказался. Я слишком люблю богом данную семью.

– Все у тебя шуточки дурацкие! – отец усмехнулся и покачал головой. – Ладно, мы поехали. У нас еще куча дел на сегодня. Смотри – я на тебя рассчитываю.

Он вышел из офиса и следом за ним, словно тень, поплелся Сева.

– А ты, я смотрю, загорел, – проговорил Сева, уже в дверях. Это было первое, что он сказал за все время, что провел в моем офисе. – На вольных хлебах у тебя все неплохо, видимо.

– А ты тоже попробуй, – посоветовал я. – Расстрой отца чем-нибудь, поживи на сто рублей в месяц и отстрой бизнес с нуля. Будет, по крайней мере, весело.

Он смерил меня презрительным взглядом и вышел на улицу.

– Ну, и что ты думаешь? – спросил я Теофраста, который наблюдал за этим разговором, почесывая хобот и время от времени корча рожи. Сева занял его любимый диван.

– Я думаю, что это шанс, – проговорил Теофраст потирая руки. – Когда-то давно, в совсем другом мире я участвовал в выборах. Не сам, естественно, а помогал одному олуху, вот вроде тебя. Для демона раздора это просто пиршество! Комплексный обед с первым, вторым, десертом и компотом! Все друг с другом спорят до хрипоты, орут, разрывают союзы, грозятся убить, иной раз и убивают! А ты только смотришь на все это, а потом повязываешь салфеточку и садишься за стол. Кушать подано!

– Боюсь, здешние выборы тебя разочаруют, – ответил я. – Когда результат известен заранее, то всего этого нет. Никаких скандалов: все чинно, благородно и скучно.

– Но это когда тебя нет! – возразил бес. – Я же знаю: если ты в деле, то сразу начинается такое веселье!..

– Это да, – ответил я, достав из кармана ручку и улыбнувшись. – Тут ты совершенно прав.

Глава вторая. Пойди туда - не знаю, куда

– А я, все-таки, за то, чтобы ты пошел от какой-нибудь партии, – проговорил Кирилл, поправив галстук. С недавних пор он занимал должность начальника моего избирательного штаба. Собственно, занимал он ее примерно полчаса.

– Так всем проще будет, – прибавил Кирилл.

– Прости, я насчет избирательного законодательства не силен, – ответил я. – А какие минусы, если я буду самовыдвиженцем?

– Придется выполнять квест, – ответил он.

– Квест?

– Ну, да. Это на сленге так называют. Официально в законе это называется «Выполнение мероприятий, направленных на то, чтобы подтвердить серьезность намерений кандидата и его способность эффективно представлять избирателей».

– Они действительно на этот направлены?

– Разумеется, нет. На самом деле они направлены на то, чтобы послать тебя нахрен и никуда не допустить. Раньше ведь как было? Существовал сбор подписей. Если кандидат чем-то не угодил, то ему эти подписи не засчитывали. Просто объявляли, что все подписи фальшивые, и никаких возражений не принимали. Иди, дорогой кандидат, лесом. Если хочешь – оспаривай в суде. Если суд тебе отказал – приходи на прямую апелляцию. Ну, ты понял.

– Я понял, – ответил я. – Слава богу, мне не впервой. Меня прямой апелляцией не испугаешь.

– Не тебя одного, на самом деле, – Кирилл вздохнул. – Бывали и еще уникамы. Кроме того, в последние годы стало популярно собирать подписи, подтвержденные магически. Да, дорого. Но зато – стопроцентная гарантия. Никто не сможет сказать, что такие подписи недействительны.

– И тогда эту лавочку прикрыли?

– Именно. По новому закону просто собрать подписи теперь недостаточно. Нужно подтвердить серьезность намерений. Ну, что ты действительно серьезный человек, готов заботиться о нуждах избирателей, а не просто хрен с горы.

– И как же именно нужно подтвердить?

Кирилл в ответ пожал плечами.

– Все зависит от Минюста. Подашь заявку – узнаешь, чего именно они от тебя требуют. Бывают довольно шадящие задания. Например, от одного кандидата недавно потребовали продемонстрировать, сколько денег он тратит на благотворительность. Он продемонстрировал, что ни хрена не тратит.

– И что?

– Его зарегистрировали, – Кирилл развел руками. – А что? В задании же не было сказано, что он должен непременно что-то давать.

– Но что-то мне подсказывает, что в нашем случае так просто не будет, – ответил я.

– Боюсь, что да, – Кирилл кивнул. – Некоторым квесты дают совсем невыполнимые. Например, зачистить некропространство какое-нибудь. Или что-то оттуда достать. Обычно после такого кандидаты сами снимаются, и вопрос на этом исчерпан.

– Ну, это нам тоже не привыкать, – вставил Клебанов. – Видали мы это ваше некропространство, и вещь оттуда такую доставали...

– Но только с помощью Юли... – осторожно прибавил Кирилл.

Все присутствующие смущенно переглянулись.

Действительно, Юля выполнила свою угрозу, из компании уволилась, и я с ней с тех пор не общался, что сделало мой отдых в Тямпе несколько грустным.

Я понимал, что с этим нужно что-то делать, хотя не был уверен, что прямо сейчас это возможно.

– А партийным кандидатам, конечно же, никаких квестов проходить не надо, они попадают в список автоматически? – спросил я, чтобы несколько разрядить обстановку.

– Не всегда, – ответил Кирилл. – Иногда и им Минюст что-нибудь подкидывает, особенно когда идет кто-то нежелательный. Но обычно обходятся без этого. Считается, что в зарегистрированных партиях состоят только достойные люди. Какого-нибудь сомнительного экстремиста туда просто не возьмут.

– Такого, как я?

Кирилл развел руками.

– И все же, я предлагаю попробовать податься от партии, – прибавил он. – Это будет примерно в пятьсот раз проще.

– Партии – дело такое, – ответил я. – Могут не принять, сам же говоришь. Кому мы нужны, такие красивые?

Кирилл покачал головой.

– Ладно, – сказал я. – Предлагаю решать проблемы по мере их поступления. Кирилл, пусть твои ребята подготовят заявку на участие. Чтобы там все было в полном соответствии с законом, комар чтоб носа не подточил.

– Сделаем, – Кирилл кивнул. – Уже послезавтра сможем отнести в Минюст.

– А меня назначишь помощником депутата, если выберут? – спросил Клебанов. – Я давно мечтал. Такая корочка. Все девки будут мои.

– Есть некоторые сомнения в том, что меня выберут, – ответил я. – Но если да, то обещаю, ты – первый в очереди. Тем более, что безопасник мне явно понадобится. Я слышан о том, как происходит политическая борьба в Земском Собрании.

– Не бойсь! – ответил Клебанов. – Я пока отзову пару своих ребят из отпусков на случай, если в самом деле тебя по-серьезному охранять придется сейчас.

– Прямо сейчас – не придется, – ответил я. – Лучше пусть твои ребята займутся тем, что соберут информацию по моим соперникам. Кто там вообще выдвигается?

– Ну, кто там выдвигается? Шмигунов от ПНД, а от остальных партий – какие-нибудь непроходимые. Но я тебя слышал. Займемся ими, и завтра же я тебе представлю досье на каждого.

– Что ж, – тогда за работу, – сказал я, поднимаясь из-за стола. – Времени на подачу у нас мало, но все для того, чтоб успеть, у нас есть.

В отделении Минюста, отвечающем за прием документов от кандидатов, было на удивление пустынно. На дворе был почти последний день, когда, казалось бы, самое время было кандидатам было доносить стопки документов, суетиться, бегать из кабинета в кабинет, орать, просить, давать взятки.

Ничего этого, однако, не было. Коридор отделения был пуст и тих, как бывает в тех учреждениях, где работники даже не изображают бурную деятельность за полной ненужностью, а просто мучительно ждут обеда.

Скучающий охранник на входе отправил нас в один кабинет. Там конечно же, оказалось, что нам нужно в третий, а в третьем выяснилось, что раз мы самовыдвиженцы, то нам – в четвертый.

А я подавался именно в качестве самовыдвиженца. Батюшка, как ни старался, найти партию, которая согласилась бы меня выдвинуть, не смог.

Как он выразился «при словах «Ярослав Добровольский» они все шарахаются, а некоторые даже под себя ходят». Надо сказать, произнес он это не без гордости.

Но как бы там ни было, а на выборы мне пришлось идти самостоятельно, а значит мы с Кириллом подняли две коробки с документами и отправились искать четвертую дверь.

Когда я увидел табличку на этой двери, меня сразу же охватило такое чувство, словно мне набили рот сеном или жеванной бумагой.

– Почему его до сих пор не уволили? – спросил Кирилл. Он был явно расстроен еще сильнее меня. – Блин. Столько работы насмарку.

Он бросил свою коробку на пол.

– Подними, – сказал я. – И включи камеру в телефоне, сейчас мы ему устроим.

С этими словами я постучался и раскрыл дверь, над которой значилось: «Мухрышин П.В., начальник отдела».

Старый знакомый совершенно не изменился. Кажется, только еще немного раздобрел, и рожа стала чуть более гнусной, чем в последнюю нашу встречу.

Выражение на ней, впрочем, тут же приобрело оттенок злобной радости, едва он увидел, кто именно стоит в дверях с двумя коробками.

– А, здравствуйте, здравствуйте, господин Добровольский, – проговорил Порфирий Владимирович, и его слюнявые губы сложились в некое подобие улыбки. – А я уже предупрежден о том, что вы сегодня зайдете. Проходите, располагайтесь.

Я зашел, а следом и Кирилл, который ухитрился одновременно держать в руках и коробку, и телефон.

– Можете смело выключать свою камеру, – проговорил Мухрышин, сморщив свиное рыло.

– Мы имеем право снимать, – твердо ответил Кирилл. – Согласно пункту...

– В задницу себе засуньте свой пункт. В этой комнате установлена аппаратура, препятствующая любой съемке. И записи аудио – тоже. Можете полюбоваться белым шумом на своем экране, а потом выключайте телефон, не сажайте зря батарею.

Кирилл чертыхнулся. Я взглянул на экран и увидел на нем только бессистемно мельтешение точек, похожее на помехи в старом телевизоре.

– Ну, а теперь давайте по существу, – произнес Мухрышин, довольно потирая руки. – Вы пришли заявку подавать? На выборы в восточном округе, верно?

– Да, – ответил я. – Вот у нас тут все документы.

С этими словами я взял из рук Кирилла и поставил на стол картонную коробку из-под офисной бумаги. Она была набита почти битком. В списке необходимых документов было больше ста позиций, включая справку о том, что я не болен венерическими заболеваниями, не страдаю алкоголизмом и пунктуально платил за квартиру в течение последнего года.

– Мы все это тщательно проверим, – сказал Мухрышин. – Можете не сомневаться. Даже если где-то там запятая не в том месте... ну, вы поняли. А теперь давайте перейдем к самому сладкому.

Он потянулся и размял пальцы.

– Квест... – проговорил он. – Что бы вам такое предложить?

– А кто вам звонил по поводу меня? – осведомился я.

– Люди из вашей семьи, – ответил Мухрышин. – Требовали, чтобы я соблюдал закон, принимая у вас документы. И я, естественно, закон буду соблюдать самым скрупулезным образом. Вы знаете, я и закон – просто неразделимы.

– Кстати, о семье, – не удержался я. – Как ваши семейные дела?

– Прекрасно, – ответил он.

– В обеих семьях или только в какой-то одной?

– Вы, Добровольский, только осложняете сейчас свое и без того непростое положение.

– Да нет, – ответил я. – Куда уж дальше. Я же знаю, что вы там уже что-то придумали в качестве квеста. Ну, так давайте, выкладывайте, не тяните беса за хвост.

– Экий вы нетерпеливый! – Мухрышин покачал головой. – Ну, что ж, раз уж вы так настаиваете... Во-первых, от процедуры сбора подписей вас никто не освобождает. Вы должны собрать десять тысяч заверенных подписей. Лично.

– Лично? – переспросил я. Число не казалось мне таким уж фантастическим. От Мухрышина я ожидал чего-то похуже.

– Разумеется, лично, – проговорил Мухрышин с улыбкой. – При каждом заверении должен присутствовать ваш личный магический профиль, проще говоря, подпись должна быть отдана в вашем присутствии. Срока вам на это дается двадцать дней. Кроме того, возраст подписанта не должен быть менее пятидесяти пяти лет.

– А это еще почему?

– Потому что я так сказал! Потому что мы должны заботиться о старшем поколении и не допускать, чтобы какие-то недоноски, не знающие жизни, попадали в Земский Собор!

– Шмигунов младший – мой ровесник, – проговорил я. – К нему предъявляются такие же требования, я надеюсь?

– Господин Шмигунов получил одобрение зарегистрированной партии. Это означает, что он достаточно подготовлен и ответственен, чтобы представлять наш округ в парламенте.

– Это означает, что у него достаточно денег и связей, чтобы...

– Не надо мне тут про деньги и связи, – Мухрышин сморщился. – Вы – сын Петра Добровольского. Нечего изображать тут из себя безродного Робина Гуда, защитника обездоленных.

– Что ж, – ответил я, – полагаю, мы пришли к соглашению, и оспаривать его с моей стороны не имеет смысла. Десять тысяч – так десять тысяч. Лично – так лично. Тогда приступайте к проверке заявки и счастливо вам оставаться, а я пойду, мне еще подписи собирать.

– Подождите! – Мухрышин поднял руку. – Куда же вы?! А самое-то главное забыли?

– Что еще?

– А квест-то?! Сбор подписей – это само собой. – Но вы должны еще и подтвердить, что являетесь достойным членом общества, готовым на все ради наших дорогих избирателей.

– И что же за квест вы для меня придумали?

– А почему вы думаете, что мы его уже придумали? – спросил Мухрышин. – Да вы садитесь. Давайте побеседуем, можем даже выпить немного, тем более, что камеры тут не работают, значит, можно немного подзабыть на рабочую дисциплину, ха-ха!

– Простите, но я слишком занят. Вы и так уже задали мне задачку.

– Ну, вот, – начальник отдела разочарованно вздохнул. – Вечно все спешат, некогда даже и поговорить по душам.

Он покачал головой. Я же в это время с трудом сдерживался от того, чтобы поднять коробку с бумагами и метнуть ему в голову.

– Так вот в качестве квеста, – проговорил Мухрышин притворно ласковым голосом, – вы должны доказать, что способны ради блага избирателей буквально совершать чудеса. Избиратели не желают видеть в бюллетене обыкновенных людей, способных только бумажки перекладывать. И я стою на страже их интересов. Я проконсультировался с Росмагнадзором, с Управлением невозможного.

– Там есть и такое? – уточнил я. Ничего хорошего это заявление Мухрышина мне не сулило.

– Разумеется, – ответил он. – Они там собирают все дела, которыми нужно бы заняться ради блага империи, но никто не собирается этого делать, потому что либо неизвестно, с чего начинать, либо это слишком опасно.

– Прекрасно. И что же вам там присоветовали?

– Да совершенный пустяк. Найти потерянное наследие Волконских. Видите ли, после гибели Волконского-старшего большая часть его имущества была национализирована. Ну, вы знаете, конечно.

– Некоторым образом, – ответил я.

– Ну, вот. Однако в ходе национализации выяснилось, что значительная часть артефактов бесследно исчезла, а самое главное – исчез вход в их астральное поместье. Никто не знает, где оно теперь находится, и как в него попасть. А там могут находиться важные артефакты. Кроме того, это довольно дорогостоящее имущество, и по закону оно теперь принадлежит казне. А казна не может до него добраться и провести инвентаризацию. Непорядок.

– Вероятно, следовало бы спросить о нем оставшихся членов рода Волконских?

– Спрашивали, дорогой мой, спрашивали. Никто не сознается. А проверять людей на то, правду ли они говорят, или нет, это у нас вы умеете. Вот вы и проверьте. А когда найдете, имущество будет конфисковано. Разумеется, если вы найдете, а не сгинете на Изнанке, что куда более вероятно, и на что я очень надеюсь. Просто уже несколько человек пыталось, и о них больше ничего не известно.

– Большое спасибо, – ответил я. – Было очень конструктивно.

– Всего вам доброго, – произнес Мухрышин.

– Последний вопрос, – я обернулся в дверях, направив на него ручку. – Сколько вам заплатил Шмигунов-младший за то, чтоб меня не было в списке?

– Вы с ума сошли? – удивился Мухрышин. – Ни рубля не заплатил. Он, вероятно, и не знает еще, что вы собрались участвовать. Да и едва ли вас боится в качестве соперника. Неужто вы не понимаете, что все это вам лично от меня, а Шмигунов если еще и добавит вам в панамку, то уже самостоятельно и позже? Если сочтет нужным.

– Приятно было снова с вами встретиться, – сказал я, закрывая за собой дверь. – Передавайте привет супруге.

Глава третья. Помощники

– Ну, во-первых, я сама за тебя подпишусь, – решительно проговорила Пульхерия Виссарионовна. – Ты парень с головой, хоть и легкомысленный.

Мы сидели с ней на кухне и обсуждали мою нелегкую ситуацию.

Нет, разумеется, первым делом я ее обсудил не с квартирной хозяйкой, а с ребятами из фирмы. Им я уже успел объявить, что новых клиентов мы временно не берем, работаем только по старым задачам, а в остальном компания временно преобразовывается в избирательный штаб кандидата Добровольского.

И я видел, как у некоторых загорелись глаза. Черт возьми, наверное, они и у меня самого загорелись, когда я это говорил.

Меня давно подмывало как-то расшевелить этот чертов мир, и я знал, что теперь почти готов к этому. После шоу Сурова меня уже порой узнавали в лицо на улицах. Поток клиентов у фирмы только рос, и все чаще это были не сильные мира сего, для многих из которых я был каким-то клоуном, а простые люди, у которых вдруг появилась надежда.

Иногда мне было немного страшно при мысли о том, что я даю им эту надежду. В этом мире опасно было надеяться. И еще опаснее было быть тем, кто надежду внушает.

Наверное, другой на моем месте затаился бы на какое-то время, постарался бы сделаться как можно более незаметным. Решил бы, что нечего привлекать к себе внимание всяких упырей и наживать дополнительных врагов – и так их уже хватает.

Но я решил, что черта с два я им сделаю такой подарок. Чем дольше я смотрел на то, что творится в этом мире, тем меньше оно мне нравилось. И если я могу пробиться на самый верх... если у меня есть хоть один шанс...

И вот сейчас ребята ушли после того, как мы просовещались почти целую ночь, а я остался в кабинете и остаток ночи проработал, набрасывая планы, слоганы, идеи. В каком-то полубоморочном состоянии я встретил тусклый осенний рассвет, затеплившийся за окном, и вышел на кухню, чтобы выпить кофе. Хотелось спать, но я знал, что уже не усну. Мысли роились в голове и налезали одна на другую.

В таком не вполне вменяемом состоянии застала меня на кухне Пульхерия Виссарионовна, спустившаяся к завтраку в своей леопардовой пижаме.

Сперва она пару минут рассказывала мне о чудесных свойствах нового гриба, который ей прислала знакомая с Дальнего Востока. Гриб творил такие чудеса, и Пульхерия Виссарионовна была от него в таком восторге, что, казалось, еще немного, и она выйдет за него замуж. Во всяком случае, я ни разу не слышал, чтобы хоть об одном из своих бывших мужей она отзывалась с такой теплотой.

Заметив же, что я слушаю как-то не очень внимательно, она спросила, не случилось ли у меня чего. Ну, я и рассказал ей и про выборы, и про Мухрышина.

Честно сказать, такого эффекта я не ожидал. Обычно, когда я жаловался на какие-то жизненные сложности, Пульхерия Виссарионовна только качала головой, цокала языком и предлагала припасть к очередному источнику красоты и здоровья, который открылся у нее в подвале в связи с покупкой нового гриба. Теперь же она раздухарилась и начала высказывать планы того, как мне помочь.

– А во-вторых, – продолжала хозяйка, – я и подругам своим скажу, чтоб подписались за тебя. У меня знаешь сколько подруг-то в городе? И почти все в твоём округе.

– Неужто десять тысяч? – спросил я.

– Нет, немного поменьше, конечно. Но у них ведь и мужья есть, братья-сестры, а у кого-то и родители живы. Я их всех подниму! Чего сидеть? В кои-то веки нормальный человек выбираться собрался!

– Да они вряд ли захотят, – я пожал плечами и улыбнулся. Мне было неловко, хотя и приятно.

– Да чего не захотят-то? Не захотят – заставим! Я же, знаешь, тоже часто со всеми ними говорю, кости перемываем всяким этим умникам из телевизора. Ну, я и вижу, что никого там никогда не такого, кто действительно о людях думает. Говорят, говорят, а на деле посмотришь: только себе в карман норовят. А ты не такой.

– Разве? – я усмехнулся.

– Конечно! Ты тогда, вон, Алинке моей помог, она до сих пор не нарадуется. Я ведь всё вижу. Тебя эта нечисть могла убить или идиотом безмозглым сделать, а ты не побоялся.

– Ну, я и деньги за это получил, если честно...

– Да деньги деньгами... я ж не против... если бы эти в Земском Соборе хоть что-то для людей делали, то пусть бы и деньги за это получали, почему нет...

Я в ответ только покачал головой.

– В общем, сделаем мы из тебя депутата, ты так и знай! – прибавила хозяйка. – Если Пульхерия за что взялась, то оно знаешь, как будет?! Закипит!

Она стала ходить по кухне, не в силах сдержать волнение.

– И еще одну штуку я придумала. У меня уж давно идея была, я и с участковым договорилась, и в райсовет ходила. Я-то для себя хотела сделать, а сделаю для тебя, так ты уж как станешь депутатом, не забудь меня! А то говорят, хотя и принять закон о запрете содержания иностранных грибов?! Нет, ты представляешь! Эти гады ведь и чайные грибы разом запретят, а у меня тут половина иностранные! Куда я их дену? На улицу? Да они ж погибнут, им уход нужен, питание по часам, тепло... как они, бедные, на улице-то?

– Мы этого не допустим, – сказал я с улыбкой.

– Такой хороший молодой человек! – проговорила подруга Пульхерии Виссарионовны. – Дайте, что ли я подпишусь тоже!

Она была уже двадцать пятым человеком, который подписался за кандидата Добровольского за сегодняшний день.

Не то, чтобы это был большой шаг на пути к той цифре, которую нужно было собрать, но я хотя бы лежал в этом направлении.

Дело пошло благодаря тому, что Пульхерия Виссарионовна как раз недавно выбила себе разрешение муниципалитета на проведение в городском парке «Фестиваля полезных природных напитков». А проще говоря – выставки-продажи своих многочисленных грибных настоев.

Некоторые из них она продавала в подогретом виде. Особенно хорошо шел чай из-под редкого бразильского черного гриба, который, как было заявлено, повышает настроение и придает сил. Его пробовали почти все пришедшие.

Недокументированным побочным эффектом этого чая была повышенная болтливость и желание, чтобы непременно тебя кто-нибудь выслушал.

Я же примостился с краешку за столом, на котором было написано «кандидат в депутаты принимает наказания избирателей».

Сперва, когда Пульхерия Виссарионовна только предложила мне этот ход, я его не оценил и согласился поучаствовать только от безысходности. Все равно, более интересных сценариев для сбора подписей мои ребята пока не придумали.

Но расчет хитрой повелительницы чайных грибов был тонок и выражал всю вековую мудрость. Пришли на мероприятие почти сплошь ее ровесники, а то и люди еще постарше.

Многим из них после чудодейственного бразильского чая хотелось рассказать все свои горести, а заодно и поделиться своим мнением, как нам лучше обустроить империю... а кому? Да вот же тут сидит специально для этого предназначенный молодой человек.

Ко мне стали подходить, один за другим. К концу дня выстроилась уже заметная очередь. Мне же оставалось только внимательно слушать, приветливо улыбаться, записывать в заметки в смартфоне.

У людей это вызывало удивление. Похоже, они никогда раньше не видели кандидата в депутаты, которому интересно было бы их послушать. Да и немудрено: если от выборов ничего не зависит, то зачем общаться с избирателями? Никто и не общался.

Многим из этих людей и надо-то было немного: просто, чтобы кто-то их выслушал, посочувствовал, вместе с ними понегодовал или посмеялся.

Тем более, что и поводы были. Тому отказали в каких-то льготах, у другой – дочь с мужем разводится, третья недовольна тем, что показывают по телевизору. К кому с этим идти? Даже с юридическими проблемами они не пойдут в фирму «Добровольский, Грушин и партнеры»: и дорого, и смысла особого нет. А тут человек, который хотя бы послушает. Ну, а подпись... почему бы и не поставить подпись? В то, что этот парень действительно может стать депутатом и что-то изменить, они, конечно, не верят, но почему не сделать ему приятное?

Еще когда я в третий раз выслушивал чью-то историю борьбы с коммунальными службами, у меня в голове начал созревать план. Черт возьми, это же так просто! Конечно, в одиночку выслушать столько народу за отведенный срок я просто не успею. Ни времени не хватит, ни сил.

Но есть выход. Ребята-то у меня на что?

Абы кого я в фирму старался не брать, с задачей побеседовать с человеком и выслушать его они справятся. Для юриста это профессиональный навык, как для врача.

Значит, нужно просто будет отправить их, чтобы походили по домам, вооружившись списком избирателей нужного нам возраста. А кого удастся сагитировать – те уж пусть приходят ко мне и подписываются. Специально буду сидеть здесь день и ночь, еще и сам поговорю – с кем смогу.

Вот только успею ли? Слишком много нужно подписей и слишком мало времени. Нужно придумать что-то еще, но пока и это сойдет.

Черт, похоже, эту задачу удастся решить даже без магии. Вот бы еще придумать, что делать с квестом...

Размышляя обо всем этом, я почти пропустил момент, когда пора было возвращаться на грешную землю и приниматься действовать. Выручил меня, как обычно, Теофраст.

Во все время моих разговоров с избирателями он сидел на краешке стола, то и дело принимаясь впитывать агрессию, с которой очередная дама рассказывала о выходках своей невестки или о бюрократии в пенсионном фонде.

Но среагировать он успел раньше меня.

– Я не хочу вмешиваться в эти милые беседы, – проговорил бес, – но вот те двое деятелей их вот-вот прервут.

С этими словами он вытянул хобот в сторону двух фигур в синей форме и с дубинками на поясе.

Я поднялся навстречу пришельцам, сохраняя на лице приветливую улыбку. Пульхерия Виссарионовна в это время как раз наливала всем еще по кружечке из новой банки, так что встречать их надлежало как раз мне.

– Мое почтение, – обратился я к тому, кто, видимо, был старше по званию.

– Добрый день, – проговорил он. – Лейтенант Хайретдинов. У вас есть разрешение на проведение мероприятия?

– Да, есть, – ответил я и протянул ему бумажку, лежавшую в папке на столе. Тот, не глядя, разорвал ее на несколько кусков.

– Оно аннулировано в связи с тем, что вы использовали развлекательное мероприятие в политических целях. Пройдемте.

– А у меня для тебя сюрприз, между прочим, – проговорил Теофраст, спрыгнув со стола и потянувшись.

– И хрена ли ты молчал?

– Ну, ты в последнее время относился ко мне недостаточно уважительно. Но я прощаю. Я вообще благороднейшее существо, цени это. Тем более, сегодня я так наелся, что стал еще благороднее. Почаще приглашай меня на мероприятия, где дамы в возрасте будут рассказывать про свои отношения с невестками.

– Обещаю, у нас впереди этого добра еще много. Так что за сюрприз.

– Хоба, гляди.

С этими словами он встал между двумя стражами порядка и выставил ручки в разные стороны.

– Так... – проговорил Теофраст заинтересованно. – Напряжение между ними... значительное. Особенно вот этот, главный, что-то скрывает от второго.

– Тоже, что ли, рога ему наставил?

– Нет, непохоже... скорее всего, это из имущественной плоскости...

– Давай побыстрее, – поторопил я.

Хотя нас мысленный диалог с Теофрастом и происходил почти что мгновенно, но время, все-таки, не останавливалось. Двое полицейских подошли ко мне, и Хайретдинов не очень-то вежливо взял меня за предплечье, дескать, давай, не стой столбом, пошевеливайся, а то у нас скоро рабочий день заканчивается.

– Чего «давай»? – огрызнулся Теофраст. – Я уж и так тебе помог. На более подробный анализ понадобится больше времени, минут пятнадцать, а тебя за это время уже в каталажку доставят. Так что, давай, импровизируй.

Я мысленно вздохнул и достал из кармана ручку.

– Скажите, а вы последнюю полученную взятку поделили с напарником? – спросил я лейтенанта Хайретдинова. – У вас вообще с ним какая договоренность?

– Нет, – ответил Хайретдинов. – Я вообще считаю, что это дичь, каждый раз с ним делиться.

Напарник, потянувшийся, было, ко мне, чтобы тоже взять за куртку и придержать, остановился на полпути и вытаращил глаза на товарища.

Хайретдинов завертел головой, несколько раз открыл и закрыл рот, словно выброшенная на берег рыбина.

– Нехорошо же, – проговорил я. – Ну, ладно – взятки брать. Но не делиться-то как же?

– Ну, а чего?! – проговорил он, набычившись. – Он вообще же не рубит ни хрена, таскается только за мной, качок тупой. Скорей бы уже уволили его за несоответствие.

– Что, опять?! – взревел напарник. Он был повыше Хайретдинова и пошире в плечах, так что тому явно был смысл опасаться. – Скотина, ты ж обещал, что этого не повторится!

– Ага, иди начальству пожалуйся, – огрызнулся лейтенант. – Скажи, что я тебе взятки не додаю.

– И пойду! – взревел напарник, потянувшись к Хайретдинову и схватив его за ворот, тот попытался отстраниться, но не смог. Затем полез за дубинкой, но отхватил леща и передумал.

– Думаешь, управы на тебя нет? Да я про все твои художества расскажу, сучонок!

– Вы сначала нам расскажите, – проговорил я со всей возможной любезностью. – Народ должен знать своих героев.

Но поскольку ручка в этот момент была направлена на лейтенанта, товарищ его только зыркнул на меня, но ничего не ответил.

– А хоть у начальства-то вы не крысите? – спросил я с искренней заботой.

Хайретдинов завращал глазами.

– Ну, иногда бывает... – проговорил он убито. – Но это же... ну, мелочи просто. Они у нас больше отнимают, вон, недавно премию зажали...

– Какая несправедливость! – я покачал головой. – Мы обязательно сообщим вашему начальству, с какими ужасными условиями вам приходится сталкиваться. Думаю, к этому обязательно нужно привлечь внимание общественности.

Общественность, внимание которой давно уже привлек наш разговор, хохотала в это время до слез.

Хайретдинов повернул ко мне искаженное яростью лицо и хотел, было, что-то мне ответить, но не успел, потому что отхватил еще одного леща от своего напарника. Через секунду они сцепились и катались в размокшей грязной земле осеннего парка среди опавших листьев.

– Я тебя... мразь дворянская... – прохрипел он, с трудом отбиваясь от своего товарища, но осекся, заметив, что сразу несколько посетителей фестиваля снимают его на мобильники.

Впрочем, даже это обстоятельство драку не остановило. Перестали мутузить друг друга они только тогда, когда послышался свисток, и в их сторону направился еще один наряд. Вероятно, вызванный кем-то из свидетелей.

Оба стража порядка вскочили с земли, как ошпаренные, и бросились в разные стороны. Коллеги рванулись их догонять.

– Прекрасно, молодой человек! – проговорил пожилой джентльмен в старомодном костюме, наблюдавший за этой сценой с улыбкой. – Даже в цирк ходить не надо.

– Да ведь это они все сами, – ответил я, пряча ручку в карман. – Вольно же этому парню было самому все про себя рассказать.

– Да я давно о вас наслышан, – проговорил мой собеседник. – Кстати, где у вас тут подписаться?

Он наклонился к столу и стал заполнять подписной лист. Вскоре за ним образовалась небольшая очередь.

– Согласна, отличное шоу, – раздался за его спиной ироничный женский голос. Я поглядел в ту сторону и увидел Юлю. Она стояла, прислонившись к стволу клена и сложив руки на груди, одетая в стильное черное пальто.

Глава четвертая. Прошлое возвращается (1/3)

– Я не думал, что ты придешь, – это первое, что вырвалось у меня, когда я ее увидел.

– Мне позвонил Кирилл, – сказала она. – Сначала я даже трубку брать не хотела, но потом... не знаю. В общем, если все то, что он мне рассказал, правда, то нам есть, о чем поговорить.

Все это время она не смотрела в мою сторону. Разглядывала деревья на другой стороне поляны с почти полностью опавшими листьями.

– Нам в любом случае есть, о чем поговорить, – ответил я.

– Давай вот это вот после, – проговорила она, передернув плечами. – Я пришла сюда по делу. Кирилл мне сказал, что ты собрался в депутаты. Зачем?

Я на секунду задумался. По тому, каким серьезным тоном она это спросила, было ясно, что это не праздный вопрос. От ответа на него многое зависит. Я глубоко вздохнул.

– Ты же сама когда-то говорила, – начал я, – что мне не все равно. Мне хочется что-то изменить, и я думаю, что могу это сделать.

– Но ты можешь менять мир и оставаясь тем, кто ты сейчас. За последний год он уже немало изменился благодаря тебе.

– Нет, – я покачал головой. – Пока я его меняю, те, кто выше, только его портят.

Она грустно усмехнулась.

– Ты, все-таки, очень напоминаешь мне моего отца, – проговорила она словно через силу, как будто кто-то сжал ей горло. – Он точно так же рассуждал, и... где он теперь.

Я не нашел, что на это ответить, и мы помолчали немного.

– Мне бы очень не хотелось, чтобы с тобой случилось то же, что с ним, – сказала она тихо.

– Разве моя судьба так уж тебя волнует... теперь? – спросил я.

Она окинула меня взглядом, полным презрения.

– Ты думаешь, я бы пришла, если бы она меня не волновала?..

– Юля, знаешь, я...

– Хватит! – она подняла вверх ладонь. – Но мне действительно нужно понять твои цели. Кирилл говорил что-то о том, что ты собираешься быть техническим кандидатом. Кажется, он сам до конца не понял. Если все так, то я ничего не буду тебе рассказывать. Понимаешь... это все не игрушки. Нет никакого смысла лезть в это просто ради того, чтобы ты отработал номер, выслуживаясь перед папочкой.

– Ты меня знаешь, – твердо сказал я. – Никогда в жизни я не был просто техническим кандидатом, и выслуживаться перед папочкой я не собираюсь. Он может думать про меня что угодно, но у меня свои цели. Я пришел сюда, потому что...

– Откуда ты пришел? Откуда вы все приходите?

Она пристально посмотрела на меня. Я смутился.

– Не все ли равно? – спросил я. – Технически я вообще ниоткуда не приходил. Просто, я... мне кажется, у меня есть предназначение. Глупо, да? Словно я какой-то долбанный Избранный, которого боги отправили бросать в вулкан кольцо.

– Какое кольцо, прости?

– Неважно. Дело в другом: мне действительно кажется, что я что-то могу изменить. И у меня есть даже кое-какие идеи, как это сделать. Может быть, ничего не получится. Это нестрашно. Не выйдет у меня – выйдет у кого-нибудь другого. Но если я могу, то почему не попробовать? Ради чего еще жить аристократу и магу? Не для того же, чтобы жрать икру на приемах или скакать от одной... девушки с вот такими губищами к другой? Магия дана нам для того, чтобы делать жизнь других людей лучше... ну, или хотя бы веселее.

– Ты действительно говоришь совсем, как он, – сказала Юля еще тише.

– Это плохо?

– Это... грустно. Но, в конце концов, кто я такая, чтобы становиться на пути у избранного богами?

Она невесело усмехнулась.

– Я аж прослезился, – проговорил Теофраст, смахивая с глаз несуществующую слезу воображаемым платочком. – Такая речь, хоть вставляй в какую-нибудь трагедию. Seriously, я когда-то был личным демоном у одного актеришки-трагика...

– Давай не сейчас? – я поморщился.

– Ну, а что? Я просто хотел сказать, что он тоже такие монологи любил задвигать, так что у всего зала глаза на мокром месте были. Далеко бы пошел парень, да одна беда – пил очень много. До того допивался, что начинал чертей гонять по комнате. Ну, то есть, собственно, меня гонял. Алкогольный психоз иногда позволяет людям видеть мир таким, каков он есть. Такой вот парадокс.

– Я никогда не забуду всего, что ты для меня сделала, – сказал я Юле, стараясь не обращать внимание на мелкого пакостника.

– Для одного тебя я не стала бы этого делать, – ответила она, сложив руки на груди. – Но я верю тебе. Ты хочешь надрать задницы всем этим ханжам из Собора и Синклита. И я тоже очень этого хочу. Так давай сделаем это вместе.

– «Вместе», – я невольно повторил про себя последнее слово.

– Так ты знаешь, где находится это потерянное поместье? – спросил я.

– Не совсем, – ответила она. – Но я знаю кое-кого, кто должен знать.

– Тогда скажи, – проговорил я негромко. – Ты же знаешь, для меня это очень важно.

– Проблема в том, что я сама не смогла от него добиться толку, – вздохнула Юля.

– Что ты имеешь в виду?

– Понимаешь, это долгая история. Давай, пойдем куда-нибудь?

Я торопливо попрощался с Пульхерией Виссарионовной и ее гостями. Некоторые из них захотели оставить подписи, пришлось подождать, пока они это сделают, но минут через пятнадцать мы с Юлей уже выходили из парка, направившись в кофейню через дорогу от его ограды.

– Его зовут Сергей Мареев, – сказала Юля, отхлебнув немного из чашечки кофе.

За окном уже темнело. Поздняя осень, туман рассеивал свет уличных фонарей и фар проезжающих машин.

– Он был помощником твоего отца? – спросил я.

– Как тебе сказать... – начала она. – Вот можно сказать, что Кирилл – это твой помощник?

– Кирилл – мой друг, – ответил я.

– Да, но технически... в некотором смысле... скорее, он тебе помогает, чем ты ему.

– Не будем углубляться в терминологию, – я пожал плечами. – Кирилл – мой друг. Если ему будет нужна моя помощь, то я ему помогу.

– Да боже мой, я не про это, – Юля поставила чашку с кофе на стол и задумалась. – Я скорее о том, кто лидер, а кто... ведомый, скажем так. Одним словом, Мареев был скорее из ведомых. И в этом-то была проблема. После того, что случилось с отцом, он сломался и замкнулся в себе.

– Не он один, как я понимаю.

– Да, ты прав. У отца была целая команда, и все они... в общем, никто из них не смог это все пережить. С некоторыми я поддерживала отношения. Знаешь, раньше я тешила себя иллюзией, что когда-нибудь смогу возродить дом Волконских во всей силе и славе его. Что я буду кем-то вроде отца.

– Это не иллюзия, – сказал я. – Если мы найдем это поместье...

– ...то ты отдашь его государству! – проговорила Юля с горечью в голосе. – Отдашь тем самым людям, кто его и убил, и от кого отец его спрятал.

– А если не отдам?

Она внимательно на меня посмотрела.

– То есть, как это, отдашь?

– А вот так. Смотри: меня ведь никто не может заставить его отдать. Если я найду, мы сначала посмотрим, что именно там можно найти. А потом уже будем решать, отдавать ли его или нет.

– Звучит круто, – она прикусила губу, словно взвешивая что-то в голове. – Особенно это «мы».

– Ты же не думаешь, что в этом деле я буду что-то решать, не посоветовавшись с тобой?

– Если бы ты со мной советовался по поводу того, кого тащить в кровать, цены б тебе не было!

– Мы сейчас о деле!

– Ну, ладно, ладно, – она вздохнула. – Но я тебя заранее предупредила: Мареев этот настолько плох, что разговаривать с ним сложно. Кроме того, я вообще не уверена, что он хоть что-то знает. Но если знает, то только он.

– Что ж, давай с ним побеседуем. Хуже не будет.

– Не уверена, что хуже не будет. Знаешь, такое ощущение, что он приложил немало усилий, чтобы все это забыть. Помнишь людей, которых ограбил Темников? Некоторые из них все помнили, но вели себя так, как будто не помнят. Специально.

– Они боялись...

– Дело не только в страхе. Иногда они просто хотели отогнать от себя мысль, что у них была какая-то лучшая жизнь. Просто чтобы не страдать от воспоминаний. Вот, мне кажется, Сергей как раз из таких. Он был... может сказать, верным паладином отца. Пошел бы за ним в огонь и в воду. Но когда все это случилось, его словно подменили. Впрочем, ты скоро сам все увидишь.

– Хорошо, – сказал я. – Но даже это не самое главное. Я только хотел сказать, что не смогу пройти весь этот путь без тебя.

– Только потому, что я могу привести тебя к поместью?

– Нет, дело не в этом, – сказал я, глядя ей в глаза. – И директора по информационным технологиям я тоже могу другого найти, если уж нужно. Но мне нужна именно ты. Мне кажется, мы не просто так встретились в самом начале.

– В начале чего?

– В начале моего пути, назовем это так. Мне хотелось бы и дальше идти по нему рядом с тобой.

– Я подумаю над твоим предложением, – сказала Юля. – Но только не думай, что это потому, что ты теперь депутат.

– Я пока еще не депутат, – я усмехнулся. – И многие удивятся, если узнают, что я в самом деле собираюсь им стать.

– Ничего, – ответила она, чуть приподняв бровь. – Станешь. Что я, не знаю тебя, что ли?

– Клиент готов! – произнес Клебанов, сделав широкий жест рукой.

Вышел он из «Черной лилии», в которой вот уже третий день просаживал мои деньги – точнее, деньги фирмы, выданные на представительские расходы.

Не знаю, как насчет клиента, но сам он был, несомненно, «готов».

Впрочем, бухал он не просто так, а действительно был занят важным делом. Это я попросил его найти Мареева и по возможности втереться к нему в доверие.

Клебанов, надо отдать ему должное, сработал отлично. Нашел Мареева в одном из баров, грамотно изобразил из себя одного из людей, разочаровавшихся в Волконском-старшем, и на этой теме подружился с ним, так что они уже второй вечер пили вместе. Кажется, даже за счет Мареева.

Сам я в это время собирал подписи в поте лица.

Точнее сказать, в настоящем поте лица были ребята из моей фирмы, которые ходили по окрестным домам, расспрашивали людей об их трудностях, записывали в блокноты и предлагали подписаться за меня. Тех же, кто согласился, приводили ко мне в парк, где я теперь обосновался на постоянной основе.

Сидеть за столиком целый день на ноябрьском ветру было холодновато. Особенно после жаркой Тямпы. Но я надел пальто потеплее и сидел там с утра до вечера. И только вечером у меня появлялось время на другие дела – вот, например, на то, чтобы пообщаться с Клебановым и узнать, как у него идут дела.

И вот, дела пришли к логическому финалу. Клебанов сообщил новому приятелю, что у него есть знакомый, что интересуется наследием Волконского.

– И как он отреагировал? – спросил я.

– Да ты знаешь... – начал он.

– Послал тебя, и сказал, чтобы твой знакомый не смел даже являться?

– В общем-то, да. Но я его убедил. Сказал, что ты прекрасный человек... и обещал мне денег, если он с тобой хотя бы поговорит. В общем, унижался перед ним, как мог. Все ради дела. Цени.

– Ценю, – ответил я, хлопнув Клебанова по плечу. – Выпишу тебе премию, если будет, с чего.

Тот в ответ отсалютовал, встав по стойке «Смирно». Насколько это было возможно в его состоянии, конечно.

Я же прошел внутрь и быстро нашел глазами в помещении мрачного Мареева, которого уже знал по фотографии.

Это был мужик лет сорока с небольшим, небритый, в несвежей рубашке. Когда-то он, вероятно, был красавцем, пользовался успехом у женщин. Что-то такое было в его лице, но почти стершееся.

– Добрый вечер, – произнес я, присаживаясь за столик.

Мой визави поднял на меня мутные глаза. В самом деле, «готов» он был еще сильнее, чем Клебанов.

– Кто вы? – произнес он таким тоном, каким обычно говорят: «Пошел нахрен!».

– Мой друг с вами беседовал только что, – ответил я. – Мне кажется, мы с вами могли бы поработать вместе.

– А мне кажется, что вы могли бы пойти в задницу, – ответил Мареев.

– В принципе, мог бы, – согласился я. – Но у меня есть предложение получше. Если вы расскажете мне, как попасть в поместье Волконского, я доделаю то, что он не доделал. Вы же из-за этого сломались и пьете? Вы считаете, что без Волконского никто не может сделать этот гребанный мир лучше. Что он был единственным человеком такой породы. Но это не так.

– И ты можешь это доказать? – спросил он на удивление серьезным и трезвым голосом. Впечатление было такое, что весь хмель с него сошел по меньшей мере наполовину.

Вместо ответа я молча достал из кармана ручку и направил на него. Он вздрогнул.

– Волконский ведь оставил вам какую-то важную информацию, верно? – спросил я.

Он сглотнул, сделал над собой усилие, не смог побороть силу меча и кивнул.

Я столь же демонстративно убрал ручку в карман.

– Вот видите, – сказал я. – Я умею то же самое, что и он. Но на вас применять свое умение не буду. Специально. Если вы не захотите давать мне эту информацию, я уйду. Но...

– Вы сами не понимаете, чего просите, – он перебил он. – Это опасно для вас же.

– Я в состоянии о себе позаботиться.

– Ладно, – он поморщился и отпил немного из своего стакана. – Я видел вас в этом шоу, которое недавно крутили. Ловко вы их... Может быть, вы и впрямь тот человек, который сможет... черт, не знаю... Короче, есть старый рыбацкий домик, которым владел еще дедушка Волконского. Сам он рыбалку не любил, так что домик при нем пустовал все время, да и теперь пустует. Кредиторы до него не добрались, а дочка туда не ездит. Так вот в нем есть портал. Очень нестабильный. Между нами сказать: брось ты это дело.

– Почему?

– Я туда уже отправлял двоих деятелей в разное время. Тех, кто хотел прибрать в руки наследие Волконского, и кого мне было не жалко. А тебя мне жалко. Так что ты лучше не ходи.

– Да что там такое?

– Я же говорю: портал нестабильный. Выкинет тебя в какой-нибудь закрытый кусок Изнанки. Хорошо, если не по частям. Но даже если целиком там окажешься, то будешь куковать, пока демоны не сожрут или пока сам себя не сожрешь от голода. Хорошая идея? По мне, так хреновая.

– Ничего, – ответил я. – Запасусь консервами и спреем от демонов. Думаю, рыбалка будет отличной.

– Вот примерно так и он бы сказал, – Мареев вздохнул. – Ладно, держи.

С этими словами он положил на стол зеленый камешек, напоминающий по форме рыбку.

– Это ключ от портала. Там разберешься, как он включается.

– Что ж, – сказал я, – в таком случае, предлагаю выпить. За грядущий успех.

– Угу. Не чокаясь, – буркнул Мареев.

Глава пятая. Хижина в лесу

Лес в ноябре выглядел очень неуютно. Черные остовы деревьев, покрытая пожухлой лиственной земля. Снега еще не было, но это делало природу вокруг только мрачнее.

Рыбацкий домик тоже уютным было назвать нельзя. Половина окон была разбита, а внутри явно кто-то похозяйничал. Кажется, отсюда вынесли все, что не было приколочено гвоздями.

Юля не без труда открыла ржавый замок.

– Он правда давно здесь не бывал? – спросил я.

– Мне кажется, он здесь не бывал вообще никогда, – Юля пожала плечами. – Я и вспомнила-то это место не сразу, когда ты мне рассказал. Пришлось порыться в его записных книжках. Он действительно терпеть не мог рыбалку и охоту. Говорил, что не хочет убивать кого-то просто ради забавы.

– Почему же он разместил портал именно здесь?

Юля пожала плечами.

– Думаю, чтобы никто не догадался. Может быть, даже я.

– Если он не хотел, чтобы ты догадалась...

Я не договорил. Мы остановились на пороге, я достал и повертел в руках ключ, который выдал мне Мареев.

– Как ты думаешь, где именно он здесь может быть? – спросил я. Рыбка никак не реагировала на присутствие портала, если он здесь и был.

– Не исключено, что он здесь... везде, – ответила Юля, сделав неуверенный шаг внутрь.

Здесь пахло сыростью и пылью. Когда-то внизу была довольно уютная гостиная, чем-то похожая на ту, что я видел в доме Сурова. Но сейчас она выглядела так, словно в ней похозяйничала целая стая демонов. Впрочем, в действительности это, видимо, были бомжи.

Я сделал несколько шагов и осмотрелся. Подошел к камину, который, наверное, последний раз топил еще Юлин дедушка. Над камином висела на миниатюрной полочке огромная щука – вероятно, бутафорская.

Ключ от портала. Все, что я знал о порталах, говорило мне о том, что на ключ они должны как-то реагировать. Даже просто на то, что я его сюда принес.

Но никакой реакции я не чувствовал. Сам ключ молчал. Как рыба.

Я снова взглянул на него, попробовал сжать пальцами.

– Портал нестабильный, – сказала Юля. – Он может работать... как придется. А может вообще не работать. Столько лет прошло...

– Мареев сказал, что наши предшественники куда-то делись.

– Например, на Мальдивы, – Юля пожала плечами. – То, что они не вернулись к Марееву и не отчитались о результатах, еще ни о чем не говорит.

– Хорошо. Но как же нам определить, есть ли здесь портал, или нет?

– Попробуем для начала просто все здесь обследовать. У тебя есть ключ, а у меня... есть моя кровь. Я Волконская, а значит, если портал установлен здесь для моего рода, то я должна его почувствовать.

С этими словами она решительно направилась к лестнице на второй этаж, а я пошел следом.

– Ты можешь пока побыть внизу, – сказала Юля. – Дом пуст, едва ли мне что-то угрожает.

– Если здесь дикий портал, то лучше бы нам провалиться в него вместе, чем по отдельности, – ответил я и двинулся за ней следом, отстав только на шаг.

Что-то мне в этом доме, все-таки, не нравилось. И в странной тишине, которая его окружало, и в скрипе старых ступеней, по которым мы поднимались наверх.

Место это было какое-то... мертвое. И словно оплакивающее само себя. В таких домах полагается заводить призракам и прочей нечисти.

Конечно, одна нечисть тут теперь точно была – это с беззаботным видом забирающийся следом за мной по ступенькам Теофраст. Но мне отчетливо казалось, что здесь есть и кто-то поопаснее.

Я никак не мог отделаться от ощущения чуждого, давящего взгляда, упершегося мне между лопаток. Впрочем, быть может, это я просто себя накручиваю?

Да нет, в здешней своей жизни мне доводилось бывать в местах разной степени мрачности. Даже и похуже этого. Но ощущение, что кто-то за мной наблюдает, было тут вполне реальным.

– Ты тоже это чувствуешь? – спросила Юля, остановившись на предпоследней ступеньке.

– Ага, – ответил я. – Место нехорошее.

– Бр-р-р, даже мне и то не по себе, – подтвердил Теофраст.

– Смотри внимательно, – сказала Юля. – Мне очень не нравится это место, но мне кажется, что мы... уже почти у цели. Портал как-нибудь должен проявиться. Мне кажется, что он... зовет меня.

– Когда тебя в темном пустом доме кто-то зовет, это вообще довольно хреново, – прокомментировал ее слова Теофраст. – Я бы в такой ситуации призадумался, а стоит ли тут дальше находиться, или лучше взять ноги в руки и...

– Помолчи, а? – прервал я разговорчивого беса. – Без тебя неуютно.

– Без меня – неуютно, – ответил бес. – Это ты верно подметил. Приятно, что ты наконец-то стал признавать, насколько это хорошо иметь такого спутника, как я.

Я искренне пожалел, что у меня в руках нет мухобойки. Конечно, против бесплотного Теофраста она бы и не помогла, но я хотя бы отвел бы душу!

Вместо этого я просто дернул алую нить, словно это был поводок расшалившейся собаки.

– Эй, ты полегче! – начал Теофраст. – Я, между прочим...

Но договорить он не успел. В следующее мгновение Юля отчаянно вскрикнула.

Я повернулся к ней, но слишком поздно. Только успел увидеть черный вихрь, который вырвался прямо из стены.

Мы уже вошли в коридор в небольшом мезонине домика. Здесь было очень темно и тесно, и среагировать я не успел. Да если бы и успел, не факт, что это что-то бы изменило.

Вихрь окутал Юлю в мгновение ока. Секунду назад она стояла здесь, и вот ее уже нет, а вихрь рассеялся. Тишина.

Я переступил с ноги на ногу, и в опустившейся тишине скрип половиц разлетелся по пустому дому, словно гром.

Твою ж мать! Нашли портал, называется.

Я сделал пару шагов вперед и остановился на том самом месте, где только что стояла Юля.

– Эгей! – выкрикнул я негромко. – Кто ты там! Давай, тащи меня туда же, куда и ее! Быстро!

Тишина. Никакого черного вихря.

Я разжал пальцы и взглянул на лежащий на ладони зеленоватый ключ в виде рыбки. Рыбка слабо мерцала в темноте, словно болотный огонек.

Так. Стало быть, какая-то реакция на ключ, все-таки, есть. Черт, по-хорошему, мне надо бы побыстрее со всем этим закончить, у меня там вообще-то сбор подписей. Больше одного дня мне отсутствовать не с руки, без меня там все встанет.

Да о чем я вообще думаю?! Юля там в опасности, черт знает, что вообще происходит.

– Эй, ты! – выкрикнул я уже громче. – Давай немедленно затягивай и меня!

Для убедительности я сжал мерцающий ключ пальцами, так что тот едва не хрустнул. Эффект был тот же самый – нулевой.

– Если тебя интересует мое мнение, – проговорил Теофраст, – то договориться с этой хренью словами через рот у тебя вряд ли получится. Нестабильный портал – это такая штука... она уговоров не понимает и угроз тоже.

– А что она понимает?

– Да, в общем, ничего она не понимает, бездушная магическая флуктуация, что с нее возьмешь. Но скорее всего остатки прежних настроек заставляют ее вести себя определенным образом. Пропускать одних и не пропускать других.

– И что делать?

– Хм... снимать штаны и бегать. Чисто теоретически это может сработать, потому что настройки там, скорее всего перемешаны. Неясно, что их стригерит.

– Да пошел ты... – ответил я, дернув за нитку. – С Юлей-то как-то сработало.

– Это странно, – согласился бес. – Я за ней наблюдал. Она, кажется, не сделала ничего особенно, так что...

Я жестом оборвал его болтовню. Мне показалось, что в дальнем конце коридора что-то пошевелилось. Какая-то тень, едва видимая.

Я сделал шаг в ту сторону. На всякий случай я достал из кармана ручку.

И тут же почувствовал, как воздух вокруг меня пришел в движение. А зеленый ключ замерцал ярче. Всполохи зеленого огня в темном помещении начали пульсировать, отбрасывая по углам причудливые тени.

– Кажется, ты что-то нащупал, – прокомментировал бес.

– А то без тебя бы я не догадался, – прошептал я в ответ. Вот только что я нащупал?

Я поднял ручку и направил ее в ту сторону, где мне почудилась странная тень.

– А ну, отвечай! Как мне активировать портал?!

Молчание. Ничего. Только ветер гуляет по пустой и пыльной мансарде.

Я машинально сжал ручку в ладонях, вызывая меч в этот мир. Мгновение – и в моих руках уже мерцало голубоватым светом магическое лезвие.

– Я серьезно, – проговорил я. – Говори, кто бы ты ни был, или эта штука будет у тебя в глотке!

Но если тут и было в самом деле какое-то существо, оно, кажется, не испугалось. Скорее... заинтересовалось?

Я почувствовал, что тяжелый взгляд, который я ощущал спиной с того момента, как вошел в дом, стал вдруг пристальнее. Воздух тоже начал двигаться вокруг быстрее, я почувствовал настоящий ветер, которого, впрочем, на улице не было, только здесь, внутри.

– Его интересует меч, – прокомментировал Теофраст. – Черт, даже я это чувствую. Какие-то щупальца, которые тянутся к тебе.

Мысленно я тут же визуализировал эти тянущиеся щупальца, и мне стало не по себе. Невольно я отшатнулся и двинулся назад, к лестнице, но тут же задавил в себе это чувство.

Хрен с тобой. Давай, тяни свои щупальца. Главное, я хочу понять, где мне теперь искать Юлю.

Я сделал несколько движений лезвием из стороны в сторону, потом описал в воздухе восьмерку, готовясь в любой момент ткнуть туда, откуда будет исходить угроза.

Но явной угрозы не было, только еще сильнее потяжелевший взгляд и усилившийся ветер.

– Видишь эту штуку?! – выкрикнул я. – Смотри! Ты явно знаешь, что это такое! Если потребуется, я тут весь дом вверх дном переверну, а потом приду на Изнанку и натяну глаз на задницу всем, кого там найду! Потому что мне нужна эта девушка, и ты, кто бы ты ни был, сейчас или вернешь ее назад, или я сам за ней приду!

И в тот момент, когда я уже готов был рубануть мечом в стену или в ближайшую дверь, я почувствовал, как мир вокруг меня начал менять очертания и истаявать, словно ледяная глыба на апрельском солнце.

– Ты, все-таки, заинтересовал эту штуку. Поздравляю. Правда, пока не знаю, с чем. Возможно, с тем, что твоя миссия закончена, да и моя тоже. В таком случае, пока-пока.

Я не успел ничего ответить бесу. Еще одна секунда, и мир окончательно растворился в первозданной тьме.

– Ну, и где мы, нахрен, очутились? – спросил я, открыв глаза и оглядевшись по сторонам.

Здесь было темно. Я бы совсем ничего не видел, если бы не алая нить, тянущаяся к бесу, и не... несколько других нитей, таких же сияющих, только синим огнем.

Не сразу до меня дошло, что они змеятся вдоль стен здания, в котором я оказался. Они шли по стенам хаотично, пересекались между собой, кое-где образовывали узлы, и в этих узлах синий свет становился ярче, пульсировал.

– Откуда ж я знаю? – спросил Теофраст. Он как раз приблизился к одной из стен и стал рассматривать синюю прожилку с опаской.

– Юля? – позвал я вполголоса. Мне отозвалось только негромкое эхо, словно я был в каком-то подвале. Более осмысленного ответа я не дождался.

Я крикнул громче. Эхо стало более отчетливым, но на этом – всё.

– Не уверен, что она тебя здесь услышит, – ответил бес, как будто я и сам бы не догадался.

– Мне вообще это место очень не нравится. Лучше бы нам побыстрее найти отсюда выход.

– Ты что-то знаешь об этом месте? – спросил я.

В неровном свете пульсирующих синих прожилок я стал различать, что нахожусь в темном коридоре, выложенном грубыми каменными плитами.

Больше всего это было похоже на подземелье старинного замка. Даже, пожалуй... слишком похоже. Словно кто-то нарочно отделал так помещение для съемок фильма. Приблизившись к стене, я обнаружил на ней незажженный факел в стальном кольце.

Ну, разумеется. Только скелета на полу не хватает для полной аутентичности.

– Я знаю то же, что и ты, – ответил бес. – Что это, скорее всего, астральное поместье князя Волконского. Вот только с ним явно что-то не так. Эти синие штуки... слушай, у меня есть идея. Ну-ка, достань свой меч.

Я пожал плечами и вынул из кармана ручку, которая тут же превратилась в сияющее лезвие. И через мгновение понял, что бес, кажется, попал в точку.

С мечом что-то происходило, нечто необычное. Лезвие вибрировало в моих руках, по нему то и дело пробегали волны голубоватого сияния.

Но и с синими прожилками тоже что-то происходило. Они тоже начали пульсировать в том же ритме.

– Чувствуешь? – спросил бес. – Это нездоровая хрень, она мне не нравится.

– А почему нездоровая, собственно? – спросил я. – Может быть... меч является чем-то вроде ключа для этого места?

Я сделал несколько шагов по темному коридору. Пульсация в синих прожилках будто бы двигалась следом за мной.

А ведь это очень может быть... Мы ведь уже знаем, что Волконский-старший был таким же гостем из другого мира, как и я. Вероятно, из моего же мира, судя по некоторым признакам.

И такой же меч у него тоже был...

А раз так, может быть, это место признает меня своим хозяином? Ну, просто так, в силу некоторого сходства?

– Я бы на твоём месте не рассчитывал легко отделаться, – ответил Теофраст. – Это место... оно собирается защищать себя. Ему не нужны посягательства. Оно умеет с ними справляться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.